

И. А. Насонова,

доктор юридических наук, профессор

С. С. Халимоненко

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАПРЕТЕ

TO THE QUESTION OF CRIMINAL PROCEDURE PROHIBITION

В статье рассматривается назначение уголовно-процессуального запрета, его нормативные источники, взаимодействие с другим методом правового регулирования — дозволением. Обосновывается принадлежность уголовно-процессуального запрета к уголовно-процессуальным гарантиям. Анализируется нарушение запретов в уголовно-процессуальном праве.

The article discusses the purpose of the criminal procedural ban, its regulatory sources, interaction with another method of legal regulation — permission. The affiliation of the criminal procedural ban to the criminal procedural guarantees is justified. The violation of prohibitions in criminal procedure law is analyzed.

Исследование проблем эффективности запретов, ограничений и дозволений имеет важное значение для отраслей права, поскольку раскрывает одну из важнейших характеристик отраслей — метод правового регулирования. Учитывая, что уголовный процесс относится к публичным отраслям права, для науки, изучающей его, наибольшую актуальность приобретает исследование уголовно-процессуальных запретов. Именно они в наибольшей степени выражают публичный характер взаимодействия государства и личности. Указанное взаимодействие приобретает форму правоотношений между государственными органами и должностными лицами и участниками уголовного судопроизводства, заинтересованными в исходе дела, но не обладающими властными полномочиями.

Надо отметить, что понятие правового запрета вызывало интерес у многих ученых, которые определяли его по-разному. Интересна в этом смысле позиция С. С. Алексеева, который считал запреты моральными нормами, обладающими юридической санкцией и юридическим языком. Запреты, по его мнению, связаны с неблагоприятными условиями и несут негативную правовую активность, выражающуюся через конфликтные аномальные ситуации. При этом запрет нацелен на юридическую ответственность, предусмотренную законодательством [1]. Благодаря такому вектору запрет способствует обеспечению законности и правопорядка.

Не менее интересна и позиция А. Г. Братко, обращающего внимание на то, что запреты, занимая важное место среди способов регулирования, очерчивают границы свободы

конкретного человека, то есть при осуществлении каких-либо негативных действий начинается вмешательство в свободу других людей [2].

Нельзя не согласиться и с точкой зрения В. С. Нерсесянца, согласно которой запрет в правовой науке имеет фундаментальный образ, демонстрирующий саму суть права и правового регулирования и выражающийся через четкое и точное запрещение всего негативного, таким образом закрепив оставшееся как положительное [3].

Применительно к уголовно-процессуальному праву следует отметить, что запрет является одним из распространенных методов правового регулирования. Запрет, выраженный в уголовно-процессуальной норме, указывает участнику уголовного судопроизводства, а также иному лицу, вовлеченному в уголовно-процессуальные отношения, на недопустимость определенного поведения. С помощью уголовно-процессуального запрета определяются границы правомерного поведения субъектов, очерчивается круг их недопустимых действий в уголовном судопроизводстве, что позволяет не только упреждать нарушение уголовно-процессуальных норм, но и вести успешную борьбу с теми, кто, допустив такие нарушения, причинил вред государству и законным интересам других лиц.

В сфере уголовно-процессуальной деятельности наблюдается огромное количество запретов, направленных на защиту общественных отношений, что предполагает снижение негативного поведения их участников. Такое множество запретов подразумевает необходимость их упорядочивания, которого можно достичь с помощью классификации запретов, то есть де-

ления их на группы. Одна из таких классификаций может быть обусловлена видом нормативного источника, закрепляющего запрет. Запреты, имеющие важное значение для уголовно-процессуального права, могут быть закреплены в Конституции Российской Федерации, в международно-правовых актах, наконец, в УПК РФ. Таким образом, следует говорить о существовании определенной системы уголовно-процессуальных запретов.

К числу конституционных запретов, входящих в указанную систему, относятся, например, запреты: подвергать лицо пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию (ч. 2 ст. 21 Конституции РФ); подвергать лицо задержанию на срок более 48 часов до судебного решения (ч. 2 ст. 22 Конституции РФ); ограничивать права граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ); осуществлять заочное разбирательство уголовных дел в судах, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом. (ч. 2 ст. 123 Конституции РФ) и др. Примечательно, что запреты, предусмотренные ч. 2 ст. 21, ч. 2 ст. 22 Конституции РФ, находят свое непосредственное подтверждение в тексте УПК РФ (п. 11 ст. 5, ст. 9, ст. 247 УПК РФ). Что же касается запрета, закрепленного в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, то он не нашел своего буквального закрепления в тексте УПК РФ. Вместе с тем принцип равенства всех перед законом и судом, несмотря на то, что он не продублирован в уголовно-процессуальных нормах, свойственен российскому уголовному процессу. Данный вывод вытекает из того, что конституционные нормы, предусматривающие указанное положение, являются нормами прямого действия. Кстати, УПК РСФСР отнесся к данному принципу более внимательно, чем УПК РФ. В ст. 14 УПК РСФСР «Осуществление правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом» отмечалось, что правосудие по уголовным делам осуществляется на началах равенства граждан перед законом и судом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств [4].

Надо сказать, что в УПК РФ кроме запретов-принципов достаточно много запретов, существующих в рамках частных норм, которые зачастую конкретизируют общие нормы. В этой связи следует назвать запрет, предусмотренный

ст. 105.1 УПК РФ. Он был введен относительно недавно — 18.04.2018 [5]. С дополнением системы мер пресечения запретом определенных действий ученые связывают такие позитивные последствия, как восполнение дефицита мер пресечения и востребованность на практике [6]. Е. А. Зайцева не без основания выделяет такие достоинства данного вида запрета, как «комбинаторный» характер указанной меры пресечения, универсальность, гибкость в применении [7].

Международно-правовые акты также не обходят стороной запреты, имеющие важное значение для уголовно-процессуального права. Зачастую они дублируются в тексте УПК РФ. Среди такого вида запретов следует обратить внимание на те, которые закреплены во Всеобщей декларации прав человека [8]. В ней представлены запреты на пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение (ст. 5); на произвольный арест, задержание или изгнание (ст. 9); на осуждение за преступление на основании совершения какого-либо деяния или за бездействие, которые во время их совершения не составляли преступления по национальным законам или по международному праву (ст. 11); на наложение наказания более тяжкого, нежели то, которое могло быть применено в то время, когда преступление было совершено (ст. 11); на произвольное вмешательство в личную и семейную жизнь лица, произвольное посягательство на неприкосновенность жилища лица, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию (ст. 12).

Нетрудно заметить, что перечисленные запреты выполняют охранительную функцию.

Другие международные документы также содержат запреты. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах говорит о запрете дискриминации на равную защиту закона (ст. 26) [9]. Конвенция о защите прав человека и основных свобод содержит, например, запрет подвергать людей пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (ст. 3) [10].

Большая часть уголовно-процессуальных запретов сосредоточена в УПК РФ. К ним в первую очередь относятся запреты, уже получившие закрепление в Конституции РФ и (или) в международно-правовых актах, ратифицированных нашим государством. Кроме того, уголовно-процессуальные нормы, содержащиеся в статьях УПК РФ, содержат также запреты, не получившие закрепления в указанных документах.

Они служат конкретизации наиболее общих норм-запретов, нередко относящихся к принципам уголовного судопроизводства, получившим свое

закрепление в первую очередь в Конституции РФ и (или) в международно-правовых актах. Надо сказать, что данный вид запретов в уголовном процессуальном праве является преобладающим.

Одни запреты, содержащиеся в УПК РФ, могут носить абсолютный характер, когда других вариантов решения вопроса не предусматривается (например, недопустимость составления приговора на предположениях (ст. 302 УПК РФ)). Другие запреты такого характера не носят, поскольку дополняются способами их преодоления. Так, в законе строго прописано, что каждый имеет право на тайну переписки, но, несмотря на это, ограничение допускается на основании судебного решения (ст. 13 УПК РФ).

Анализ содержания запретов, содержащихся в УПК РФ, позволяет их рассматривать в качестве уголовно-процессуальных гарантий, направленных в первую очередь на обеспечение прав участников уголовного судопроизводства.

Нетрудно заметить, что все приведенные источники используют для обозначения запрета слова: «не вправе», «не может», «не может быть», «не допускается», «запрещается» [11]. Кроме того, все указанные источники по сути фиксируют пассивный характер запрета, подразумевающий воздержание от негативных действий. Данная характеристика зачастую не свойственна другим методам правового регулирования в уголовно-процессуальном праве, в частности — дозволению. Однако, несмотря на это, запреты существуют в тесном tandem с ним. Недаром, как верно отмечает М. К. Юков, «в законодательстве не должно быть противоречий между общими запретами и дозволениями, а также между конкретными дозволениями и запретами» [12]. Правда, запретам свойственен более жесткий характер по сравнению с дозволением. Впрочем, это не мешает взаимодействию двух различных методов правового регулирования в уголовно-процессуальном праве. Взаимодействие запрета с дозволением усиливается на фоне наметившейся тенденции перехода от жестких запретительных мер, носящих преимущественно карательный характер, к применению запрета в качестве средства охраны и защиты субъективных прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Именно это качество запрета позволяет поддерживать разумный баланс частных и публичных интересов в уголовно-процессуальном праве.

К сожалению, на практике не всегда успешно реализуется назначение уголовно-процессуального запрета. Это, в свою очередь, приводит к нарушению закона, что подтверждается следующими результатами прокурорской деятельности.

За 8 месяцев 2019 г. в ходе надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства прокурорами было выявлено 3 481 811 нарушений законов. Их них 460 457 нарушений было выявлено при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, 1 021 357 нарушений — при производстве следствия и дознания [13]. Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что одной из составляющих таких нарушений является игнорирование установленных запретов. Это, в свою очередь, свидетельствует об изъянах в механизме реализации уголовно-процессуальных запретов.

На данное обстоятельство обращают внимание не только российские правоохранительные органы. Так, Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) не раз выражал озабоченность относительно реализации отдельных видов запрета в Российской Федерации. Свидетельством тому являются его решения, вынесенные в пользу заявителей по следующим делам: «Ксенц и другие против России», «Маслова против России», «Олисов и другие против Российской Федерации», «Горшук против России» и др. [14—17]. При рассмотрении указанных дел Европейский Суд по правам человека установил факты жестокого обращения с заявителями со стороны сотрудников полиции, что нарушает предусмотренный ч. 2 ст. 9 УПК РФ запрет на применение насилия, пыток, другого жестокого или унижающего человеческого достоинства обращения в ходе производства по уголовному делу.

На практике наблюдаются нарушения и других видов запрета, что порождает юридическую ответственность для соответствующих субъектов.

Существование проблемы нарушения уголовно-процессуального запрета обусловлено разными причинами, среди которых не последнее место занимает несовершенство уголовно-процессуальных норм, регламентирующих запрет. Для изменения ситуации в лучшую сторону в первую очередь необходимо теоретическое обоснование коррекции соответствующего нормативного материала. Данный вектор преобразования особенно значим в связи с тем, что запрет недостаточно исследован в науке уголовно-процессуального права, несмотря на важность данного правового явления для уголовного судопроизводства.

В заключение следует сказать, что существование запрета обусловлено социальной необходимостью. Запрет, указывая участникам уголовного судопроизводства на недопустимость

тех или иных действий, удерживает их от неправомерного поведения, создающего опасность для интересов не только государства, но и личности. Реализация запрета обеспечена возможностью наступления ответственности в случае его нарушения. Все это позволяет

рассматривать запрет в качестве важного средства укрепления законности и правопорядка в государстве. А значит, с его помощью создаются необходимые условия для нормального развития соответствующих сфер жизни общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. — М., 1989. — С. 317.
2. Братко А. Г. Запреты в советском праве / под ред. Н. И. Матузова. — Саратов, 1979. — С. 17.
3. Нерсисянц В. С. Философия права. — М., 2002. — 256 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года (с изменениями и дополнениями от 18.05.1995) // СПС «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296073/.
6. Калиновский К. Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. — 2018. — № 6. — С. 9.
7. Зайцева Е. А. Запрет определенных действий — новая мера пресечения в российском уголовном процессе // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : материалы международной научно-практической конференции (Минск, 21 февраля 2019 г.). — Минск : Академия МВД, 2019. — С. 235.
8. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. — 1995. — 5 апр.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1976. — № 17. — Ст. 291.
10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.
11. Рубашкин Н. Н., Краснов А. В. Санкции запрещающих норм права: новое в пределах правового регулирования // Актуальные проблемы экономики и права. — 2014. — №1(29). — С. 237.
12. Юков М. К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Свердловск, 1982. — С. 19.
13. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь — август 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1700492/> (дата обращения: 07.10.2019).
14. Ксенц и другие против России : постановление ЕСПЧ от 12.12.2017 (жалоба № 45044/06) [Электронный ресурс]. — URL: sommer.ru (дата обращения: 8.10.2019).
15. Маслова против России : постановление ЕСПЧ от 14.02.2017 (жалоба № 15980/12) [Электронный ресурс]. — URL: <http://eurcourtcourt.ru/2014/09/15/16684> (дата обращения: 8.10.2019).
16. Олисов и другие против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 02.05.2017 (жалоба № 10825/09 и 2 другие) // Российская хроника Европейского Суда. — 2018. — № 2.
17. Горшук против России : постановление ЕСПЧ от 6.10.2015 (жалоба № 31316/09) [Электронный ресурс]. — URL: <https://zakonirosg.ru/?p=20931> (дата обращения: 8.10.2019).

